

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 5, pp. 1147–1158, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 821.512.36

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1147-1158

«Устная история» в дневниках Ц. Дамдинсурэна

Анна Дамдиновна Цендина¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (д. 21/4, стр. 3, Старая Басманная ул., 105066 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0003-0909-6953. E-mail: annatsendina@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Цендина А. Д., 2022

Аннотация. *Введение.* В словесном искусстве монголов устное творчество издревле занимало большое место. Это связано с кочевым бытом и малочисленностью населения, рассеянного на огромных территориях и вынужденного обмениваться вестями, знаниями и художественными произведениями в устной форме. Такое интенсивное функционирование устной формы передачи разнообразных текстов сохранилось и в настоящее время. *Цель* статьи — ввести в научный оборот сведения об «устных историях», содержащихся в дневниках Ц. Дамдинсурэна. *Результаты.* Традиция использования устных нарративов в функциональной сфере, в частности в сохранении и трансляции исторических фактов, устным «документированием» прошлого, породила такие жанры, как *аман туух* 'устная история', *хууч яриа* 'устные воспоминания', *яриа* 'воспоминания, былички', которые стали очень популярными в последние десятилетия. Зачинателем этого жанра в монгольской литературе можно считать академика Ц. Дамдинсурэна. Дневники Ц. Дамдинсурэна, которые он вел с 1956 по 1986 гг., содержат материалы, использованные им впоследствии в публикациях «устной истории» и «быличек». «Устные рассказы» из дневников Ц. Дамдинсурэна можно с небольшой долей условности разделить на несколько групп. Прежде всего, виден интерес Ц. Дамдинсурэна к юмористическим рассказам, байкам и анекдотам. Кроме того, на протяжении долгих лет он собирал рассказы о нечистой силе. Эта тема интересовала академика не только и не столько из бытового любопытства и стремления понять сущность эзотерических практик монгольских лам, но более всего как проявление мифотворчества монголов, отражение живой народной мифологии. Тетради также включают большое число текстов о событиях революции и времени репрессий 1930-х гг. Проблемы репрессий, а также уничтожения старой культуры занимали ученого и писателя чрезвычайно сильно. «Устные истории», которые он записывал, содержали не удобные, а иногда и враждебные для власти сведения, касались тем, которые были запрещены до 1990-х гг. Кроме новых фактов истории и культуры и мнения обычных людей о тех или иных событиях, в «устных историях» отражаются черты повседневного быта монголов прошлого, а также особенности их мировоззрения и мироощущения.

Ключевые слова: монголы, устное творчество, устная история, дневник, Ц. Дамдинсүрэн
Для цитирования: Цендина А. Д. «Устная история» в дневниках Ц. Дамдинсүрэна // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 5. С. 1147–1158. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1147-1158

‘Oral Histories’ in Ts. Damdinsüren’s Diaries

Anna D. Tsendina¹

¹ National Research University Higher School of Economics (Bldg. 3, 21/4, Staraya Basmannaya St., 105066 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0003-0909-6953. E-mail: annatsendina@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Tsendina A. D., 2022

Abstract. Introduction. The oral tradition has figured largely in the literature of Mongols since ancient times. This is due to the nomadic way of life resulting in that sparse population gets scattered across vast territories forced to exchange news and knowledge by word of mouth. Such intensive functioning of the oral text transmission form can be witnessed even nowadays. **Goals.** The paper aims at introducing some data on ‘oral histories’ contained in Ts. Damdinsüren’s diaries into scientific circulation. **Results.** The tradition of using oral narratives in the functional sphere, in particular, to preserve and transmit historical facts — i.e. to somewhat ‘document’ the past — has given rise to such genres as ‘oral history’ (aman tuuh), ‘oral memoirs’ (huuch yaria), and ‘folkloric accounts’ (yaria) that have become very popular in recent decades. And it is Academician Ts. Damdinsüren that can be viewed as initiator of this genre in Mongolian literature. The diaries of Ts. Damdinsüren dated from 1956 to 1986 contain materials used by him in his publications of ‘oral histories’. The latter can be somewhat provisionally classified into a few categories. First of all, it is evident enough that Ts. Damdinsüren was interested in funny stories, amusements, and anecdotes. Furthermore, he had been collecting narratives about supernatural entities for many years. The theme aroused the academician’s interest as manifested mythopoeia of the Mongols and as embodied living mythology of the people rather than as some mere object of curiosity, neither was he ever that enthusiastic about insights into esoteric practices of Mongolian Buddhist priests. The notebooks also contain quite a number of texts dealing with the Mongolian Revolution and the dramatic 1930s to have witnessed harsh repressions. The latter coupled with arrangements directed against the old culture did capture the scholar’s attention. The recorded ‘oral histories’ were articulating inconvenient and sometimes even hostile data for authorities on topics that remained banned up to the 1990s. So, the ‘oral histories’ not only introduce new historical and cultural facts, opinions of commoners on certain events, but also narrate about Mongolian household life of the past, peculiarities of ethnic worldviews and attitudes.

Keywords: Mongols, oral art, oral history, diary, Ts. Damdinsüren

For citation: Tsendina A. D. ‘Oral Histories’ in Ts. Damdinsüren’s Diaries. *Oriental Studies*. 2022; 15(5): 1147–1158. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1147-1158

Введение

В словесном искусстве монголов устное творчество издревле занимало большое место. Это связано с кочевым бытом и малочисленностью населения, рассеянного на огромных территориях и вынужденного обмениваться вестями, знаниями и художественными произведениями в устной фор-

ме [Ёндон 1971: 125–126; Сүглэгмаа 2005]. Вспомним знаменитые послания времен Чингис-хана, которые гонимые должны были заучивать наизусть [Козин 1941: 32, 34], или богатейший эпос монгольских народов. Такое интенсивное функционирование устной формы передачи разнообразных текстов сохранилось, на мой взгляд, и после создания

монгольской письменности, а затем — после перемещения центров письменности из княжеских ставок в монастыри и даже в наше время — в эпоху существования школ, университетов, бюрократических учреждений, т. е. таких современных институций, активность которых во многом измеряется количеством производимых бумаг.

Традиция использования устных нарративов в функциональной сфере, в частности в сохранении и трансляции исторических фактов, устном «документировании» прошлого, породила такие жанры, как *аман түүх* (устная история), *хууч яриа* (устные воспоминания), *яриа* (воспоминания, былички), которые стали очень популярными в последние десятилетия. Очевидно, это связано со стремительным изменением быта монголов и желанием сохранить знания о старой жизни, а также с наступившей возможностью свободно говорить обо всех перипетиях монгольской истории. Так или иначе подобных публикаций появилось довольно много [Өвгөн Дэндэвийн дурдатгал 1961; Дамдинсүрэн 1990; Товуу захирагчийн 1999; Жамбалсүрэн 2003; Alaša domuy 2004; An Oral History 2011; Монгол бурханы 2012; Агванчойдор 2012; Лхам, Ерөөлт 2012; Номинчимэд 2013; Ойдов 2014; и др.].

Цель статьи — ввести в научный оборот сведения об «устных историях», содержащихся в дневниках Ц. Дамдинсүрэна.

Дневники Ц. Дамдинсүрэна и «устные истории» в них

Дневниковые заметки никогда не становились предметом историографического или литературоведческого дискурса в монголистической науке. Во-первых, ведение дневников частными лицами никогда не было в традициях письменного творчества монголов. Во-вторых, до настоящего времени такого рода записи не попадали в круг публикаций, даже если предположить, что кто-то из известных людей Монголии и вел регулярные записи событий своей жизни. Дневники Ц. Дамдинсүрэна в виду сказанного — уникальное явление. Ц. Дамдинсүрэн начал вести дневниковые записи с 1959 г. и делал их до последних месяцев жизни в 1986 г. Они составили несколько десятков толстых тетрадей [Дневники Ц. Дамдинсүрэна]. Впервые фрагменты из его дневников были опубликованы в сбор-

нике, посвященном 100-летию со дня его рождения [Дамдинсүрэн 2008].

Как мы знаем, дневники могут быть разными: беседами с самим собой, рассказом о своих чувствах и впечатлениях неизвестному собеседнику и т. д. Написанные для себя, они имеют интимный характер, содержат сведения и мысли, не предназначенные для публики. В этом их ценность как документов эпохи и истории жизни конкретной личности. Дневники Ц. Дамдинсүрэна — это памятки, или записи для памяти, включающие краткое описание событий, встреч, одолженных книг и денег, содержания бесед. Очень много среди его записей сведений о старых книгах, хранящихся у тех или иных людей, — как известно, поиск монгольских и тибетских рукописей и ксилографов занимал его на протяжении всей жизни.

«Устные истории», «воспоминания» и «былички» Ц. Дамдинсүрэн записывал от друзей и случайных знакомых, находясь дома, в гостях, на отдыхе, в командировках. К сожалению, по дневниковым записям трудно (особенно по прошествии 50 и более лет) атрибутировать повествования, в частности указать точное географическое место, где они были сделаны, и дать полную характеристику информантов. Часто Ц. Дамдинсүрэн лишь указывал, что рассказчик — «старик из Южной Гоби» или «старуха 80 лет», а то и вовсе не писал, от кого услышал ту или иную историю. Однако есть несколько человек, которые были его постоянными собеседниками. Среди них Бямбадорж из Центрального аймака, поведавший много историй про духов и чертей, а также так называемый «партизан» Ж. Дамдин, с которым Ц. Дамдинсүрэн был знаком с молодости. Последний участвовал в революционных событиях 1920-х гг., затем служил некоторое время в Комитете наук Монголии, написал книгу о монгольских борцах.

«Устные рассказы» из дневников Ц. Дамдинсүрэна можно с небольшой долей условности разделить на несколько групп. Прежде всего, виден интерес Ц. Дамдинсүрэна к юмористическим рассказам, байкам и анекдотам. Этот жанр практически не исследован монголистами-литературоведами и фольклористами, кроме, пожалуй, упоминаний рассказов о проделках бадарчинов

(бродячих монахов). Между тем он был очень популярен среди монголов и носил весьма специфические черты. Многие из такого рода анекдотов были построены на игре слов, полны иносказаний, мгновенных импровизаций, в том числе стихотворных.

Ц. Дамдинсурэн на протяжении долгих лет собирал рассказы о нечистой силе. В 1990-х и 2000-х гг. такого рода публикации стали обычным явлением. Выходило даже серийное издание о встречах людей с чертами и духами [Чэтгөр 2009; Чэтгөр 2012]. Однако в 1960–1980-х гг. этим не занимался никто, кроме Ц. Дамдинсурэна. Им был подготовлен сборник рассказов о чертах, вышедший уже после его смерти [Дамдинсүрэн 1991; Дамдинсүрэн 1998]. Эта тема интересовала академика не только и не столько из бытового любопытства и стремления понять сущность эзотерических практик монгольских лам (что сильно занимало его особенно в последние десятилетия жизни), но более всего как проявление мифотворчества монголов, как отражение живой народной мифологии. Многие из этих записей остались неиспользованными в дальнейшей работе и публикациях ученого. Но они являются важным источником для исследования сюжетики подобных повествований, представлений монголов о низшей мифологии, трансформации этой мифологии на протяжении веков и т. д.

Большую часть среди «устных историй» занимают воспоминания о старой Монголии, ее людях, культуре, истории. Ц. Дамдинсурэн прошел путь от пастуха, с энтузиазмом встретившего новую власть, от политического деятеля новой Монголии, ее писателя и ученого, много сил, времени и таланта отдавшего этой власти, до интеллектуала и своего рода духовного ориентира для народа. Но он никогда не мог принять нигилизма этой власти, ее стремления очернить прошлое монголов, отказать им в обладании культурой, письменностью, литературой, великой историей, наконец. Всеми силами он старался сохранить духовное наследие старой Монголии, в том числе сведения о буддийских ученых, их писаниях и деяниях. Как человек, на протяжении всей жизни отстаивавший важность и неповторимость монгольской культуры и видевший своими глазами, как эта культура уничтожалась, он пытался хотя

бы запечатлеть в памяти народа сведения об уникальном наследии монголов.

В тетрадах содержится большое количество текстов о событиях революции и времени репрессий 1930-х гг. Эти проблемы занимали ученого и писателя чрезвычайно сильно. Он был свидетелем многих событий 1920-х и 1930-х гг. Был знаком с большим числом тех, кто строил новую Монголию, кто был потом уничтожен властью. В 1939 г. сам был заключен в тюрьму как член группы прояпонских деятелей по так называвшемуся «Жамцаранову делу», где провел более года. «Устные истории», которые он записывал, содержали неудобные, а иногда и враждебные для власти сведения, касались тем, которые были запрещены до 1990-х гг. В дневниках Ц. Дамдинсурэна, уже начиная с 1960-х гг., находили отражение эти нелюбимые властями темы, в числе которых и «неканонические» воспоминания о революционных вождях и рассказы о репрессиях.

Кроме новых фактов истории и культуры и мнения обычных людей о тех или иных событиях, в «устных историях» отражаются черты повседневного быта монголов того или иного времени, а также особенности их мировоззрения и мироощущения. Так, несмотря на различные спекуляции на тему целибата монгольских монахов, из записей Ц. Дамдинсурэна становится понятным, что многие ламы высокого ранга имели жен и не скрывали этого. Что на фоне почти тотального господства в Монголии буддизма продолжали существовать обряды Чингисова времени. Что вплоть до начала 1940-х гг. в Улан-Баторе сохранялся обычай оставлять умерших под открытым небом недалеко от жилых помещений. Что отношение монголов к окружающему миру было насквозь пропитано верой в магические силы слов, предметов и природных объектов, а также в эзотерические знания высших лам и людей, наделенных особым даром.

Повествования из дневников — это живые рассказы людей, они часто грешат стилистическим несовершенством, повторами, сокращениями. Записывая во время или сразу после общения с информантом ту или иную «устную историю», Ц. Дамдинсурэн стремился не к литературной обработанности текста, а к полной и точной передаче информации, заключенной в нем.

В качестве примера сказанного приведу несколько текстов из дневников начала и середины 1970-х гг.¹.

Анекдоты и былички

Беседовал в Гандане с Гончигдоржем и Ёндоном.

Как-то разговорились лхарамба² и ноён. Ноён спросил:

— Кем в будущем рождении родится лхарамба?

Тот ответил:

— Ослом.

— Тогда кем после смерти родится ноён?

— Лхарамбой.

— Почему же он родится лхарамбой?

— Чтобы приблизиться к рождению ослом (28. 10. 1971).

В 18 часов зашел к Барсу.

Ноён угощал лхарамбу кумысом. Потом поднес водку, но лхарамба ее не принял.

Ноён спросил:

— Почему вы не пьете водку?

— Запрещено саном.

— Почему же тогда пьете кумыс?

— Не запрещено саном.

— Водку получают из кумыса, суть одна.

Лхарамба ответил:

— Эта девочка — твоя дочь?

— Да.

— Она родилась у твоей жены?

— Да.

— Твоя жена и твоя дочь — это не одно и то же (24.09.1974).

Пришел Булганский старик Очир.

В центре Булгана был ученый лама, которого звали Тойн-хамбо. Еще там жил лама Дандар-аграмба³. Они не любили друг друга. Например, Тойн-хамбо запрещал курить, говоря, что это грех. Дандар-аграмба возражал: «Какой это грех — жечь траву в железной чашке?». Тойн-хамбо считал половые отношения пороком. «Что это за порок — поместить мясную палку в мясную чашку?» — отвечал Дандар-аграмба (11.30.1974).

¹ Перевод текстов осуществлен автором статьи

² Ученое звание, которое получал монах, знаток буддийской философии, после победы в диспуте в Лхасе.

³ Ученое звание ламы-тантриста.

В общине Сунгийн-аймак был знаменитый ученый лама Шагдар-гавдожи⁴. Когда Шагдар был еще послушником, он шел как-то, свернув книги в трубку. Один лама, встретив его, сказал: «Не надо свертывать книги в трубку. Иначе родишься в будущем змеей». Шагдар ответил: «Какой же огромной змеей должен был родиться человек, сделавший это молитвенное колесо!» (28.03.1975).

Рассказал Бямбадорж.

— В наших краях — теперь это сомон Бурэн — был человек по прозвищу Усатый Цэдэндамба, который был мастером рассказывать всякие истории — и правдивые, и выдуманные. Однажды в одном айле⁵ собралось много народу, стали пить кумыс. Пришел и Цэдэндамба. Мы хотели его разговорить. Стали рассказывать всякие охотничьи истории. Один человек сказал, что греха убийства не будет, если, стреляя в волка, сказать «Хум!», а когда волк умирает, сказать «Пад!» Наоборот, это открывает тому хороший путь после смерти.

Цэдэндамба подхватил разговор. Мы только того и ждали.

— Иногда убить зверя — это исполнить предначертанное. Встречаются такие животные, которые непременно должны быть убиты.

— Как это «животные, которые непременно должны быть убиты»? — стали мы спрашивать.

— Однажды весной мы охотились в ущелье Тухум. Нам встретилось несколько антилоп. Я выбрал одного самца и выстрелил. Тот был ранен, но убежал. Когда я погнался за ним, у него выпал желудок. Я не смог его догнать и оставил. На будущий год осенью я тоже охотился. Опять мне встретилось несколько антилоп. Среди них был один жирный самец. Я выстрелил и свалил его. Хороший, толстый самец. Только живот какой-то впалый. Положил его на коня и отправился домой. Там стал разделывать тушу, а у нее нет желудка. Это был тот самый самец, который прошлой осенью потерял свой желудок. Так животное, которому было суждено быть мной убитым, встретилось мне во второй раз!

— Как же животное без желудка могло питаться и набирать жир? — спросил один из слушателей.

— Так у него срослись пищевод и кишки! Все засмеялись (31.10.1971).

⁴ Ученое звание ламы, знатока философии.

⁵ Семья, группа юрт.

О духах и чудесах

Дамдиндорж, работник Военного министерства, рассказал:

Мне было лет десять. В 1935 г. сгорели дуганы¹ аймаков² Урлуд и Бидзъя. Я как-то шел по тому месту, где был Урлудский дуган и нашел поврежденную статуэтку Дзонхавы. Она осталась от нашего аймака, поэтому я ее принес домой и сохранил. Я жил в одной юрте с дядей Дарджой. Мама жила в другом хашане³. Дяде ночами стали сниться разные сны, и он перестал спать. Просыпался ночью и спрашивал: «Что это? Что это?». Я ничего не видел, но тоже начал бояться. Однажды дядя Дарджа пошел к Ёндзин-багшу и рассказал, что у нас завелось привидение. Ёндзин-багш ответил: «Я такого ничего не умею. А вот Ундза-лам — большой знаток этого. Пойди к Ундза-ламе». Ундза-лам был тибетцем, очень ученым ламой. Мы вдвоем с дядей встали рано утром и пошли к Ундза-ламе. Постучали в ворота, вышел какой-то тибетец. «Нам нужно увидеть Ундза-ламу», — сказали мы. «Лама еще не вставал», — сказал тибетец и провел нас в задний дом. Потом видим, как несут Ундза-ламе чай. Мы ждем. Потом нам говорят: «Входите». Мы вошли. Ундза-лама жил один в большой шестистенной юрте. Жена и дети жили в другой юрте. Ундза-лам узнал дядю. «Зачем пришел?». Дядя рассказал о том, что у нас завелось привидение. Ундза-лама налил водки в пилу из черепа, поставил ее и стал читать молитву. Ничего не понятно. Какие-то «балан-балан, чулан-чулан». Потом он прочитал над водкой *тарни*⁴ и налил нам каждому по две рюмки. Мы выпили. Он сказал: «У вас лежит поврежденный *бурхан*⁵, принесенный откуда-то. Его нужно выбросить. Тогда все придет в норму». Мы вернулись домой, стали думать, ничего вспомнить не могли. А потом нашли в сундуке того разбитого Дзонхаву. Выбросили его в степи. И все пришло в норму (06.05.1974).

Бабушка рассказала о ноже от винтовки, который хранится у меня.

— Это гаминский нож. Его выдали дедушке Буяндэлгэру⁶, когда тот служил охранником. В 1937 г. Сандуйджав-чойджон⁷ его освятил. Я дважды ходила на поклон к Сандуйджав-чойджону, когда он совершал обряд соединения с *сахиусом*⁸. Когда мой предыдущий муж работал в таможне Амгала⁹, он пригласил чойджона с учениками для совершения обряда. Тогда тот уколол меня в ключицу, достал изнутри круглый кусок мяса и поднес его *сахиусу*. У меня долго оставалась рана. Исчезла, когда я уже вышла замуж за дедушку.

Однажды мы пригласили Сандуйджаву для обряда призывания *сахиуса*. Это было время, когда арестовывали лам, поэтому он пришел с одним учеником. Мы заперли двери. Он провел обряд укороченно. Был в простом ламском платье. Резал себя ножом. Лицо стало красным, изо рта пошла пена. Тогда-то он и завязал этот нож в узел. Дедушка попросил развязать узел. Тот засмеялся, сделал воскурение, разбросал вокруг зерна и сказал: «Если будешь хранить этот нож, защитишься от воров, лжецов, пьяных и безумных». Муж, ложась спать, клал этот нож под подушку. Ты тоже храни его хорошенько. Сандуйджав-чойджон остался сиротой, когда умерла его старуха-мать. Он пошел в ученики к Нэргуй-чойджону и стал таким образом чойджоном. Жил на севере от Хурэ¹⁰. Лам стали хватать, поэтому он жил недолго. Но умер сам, говорят. Однажды пришел и сказал: «Время моих безумств кончилось. Пришло время идти в тюрьму. Заприте двери. Я призову *сахиуса*». Он совершил обряд, дал нам благословение. После этого не приходил. После сказали, что он умер (18.02.1975).

Беседовал с Саарал-Ичгууром из санаторской столовой.

Тот рассказал, что отдыхал в доме отдыха Богэй-Мурэна. В том объединении около 40 тысяч кобыл, но всего 40 жеребят. У матерей не было молока, вот жеребята и дохли. Очень странно.

⁶ Речь идет о приемных родителях Ц. Дамдинсурэна.

⁷ Оракул, совершающий обряды соединения с *сахиусом*.

⁸ Гений-хранитель, грозное божество, защитник религии.

⁹ Торговый город в окрестностях столицы Северной Монголии, сейчас часть Улан-Батора.

¹⁰ Столица Северной Монголии.

¹ Храм для религиозных служб.

² Общины монахов также назывались *аймаками*.

³ Двор с юртами, окруженный забором.

⁴ От санскр. *дхарани*; магические заклинания.

⁵ Статуэтка божества.

Выходцем из Богэй-Мурэн-сомона был Дугэр-дзайсан¹. Говорят, что он в Западном дзу² поймал тигра-заклинателя и заставил его сожрать всех лам, которые насылали проклятия. Его старший брат — Гончик-дзайсан. На их младшей сестре женился один послушник из дальних мест. Родился ребенок. Тот сбросил ребенка с высокой горы и убил послушника, сказав, что тот — заклинатель. Один внутреннемонгольский ноён не дал Дугэр-дзайсану верхового коня. Когда Дугэр-дзайсан, вернувшись из Тибета, зашел к тому ноёну, тот отнесся к нему с большим почтением. «У меня болеет и умирает скот. Помогите», — попросил ноён. Дугэр отказался. Уходя, он открыл рот и сказал: «Что там? Посмотри!». Тот посмотрел, а там — его рыжая лошадь, баран с черной шеей. После этого все лошади и овцы в той местности погибли. Кобылы, ожеребившись, не имели молока. Похоже, что из-за этого проклятия и теперь в Богэй-Мурэне кобылы жеребятся без молока (08.10.1975).

О ламах

Дамдиндорж рассказал:

— У ламы Ёндзина³ не было ни жены, ни детей, он не участвовал в играх и сборищах, не ходил по *айлам*, только сидел и читал книги. Не любил гаданий, всяких очистительных обрядов. Только каждое утро совершал обряд *джабтуй*⁴. Люди, которые приходили к нему, чтобы причаститься, ждали снаружи, сидя на коленях. Причастившись аршана, отдавали 20 мунгу и уходили. Те, кто пришли для поклонения, заходили к ламе Ёндзину и получали от него благословение. Сидений для паломников не было. Осенью и зимой сидели в доме. Летом — в четырехстенной маленькой юрте.

Его младший брат Цэрэн был мирянином и вел все хозяйство. В районе Баянбарата у них было стадо верблюдов. 100 верблюдов было, не меньше. Из местности Улгий-Шатун в районе Дзун-Хары⁵ привозили в город

на продажу лиственничные дрова. Были, конечно, и лошади, и овцы. Во время «перегибов» на него наложили налог в 10 тысяч тугриков. Мы с Сандагом жили у него довольно долго. В *хашане* было три юрты. Одна — юрта учителя, вторая — для хозяйства, третья — для тибетцев-работников. У Цэрэна тоже не было жены, жил один. С севера приезжал тибетец с титулом «гачин», чтобы допросить Ёндзин-хамбо. Тот, говорят, сказал: «Я монах, веду только религиозные дела, ни в каких политических событиях не участвую, до правления и строя мне никакого дела нет. Что вы хотите от меня услышать, давайте я расскажу».

Ёндзин-хамбо был высоким, худым, некрасивым стариком. Иногда в дождь или пыльную бурю ездил в повозке. Выезжал только во время всеобщей службы.

Восточнее Гандана⁶ около желтого магазина тканей был монастырь тибетцев. Там был храм, где могло поместиться около 50 монахов. Ундза был настоятелем того монастыря. Ундза проводил много очистительных обрядов...

Дом Ёндзин-хамбо сохранился во дворе Университета. В этом доме сначала жил Баяр-гуай из Великого хурала (10.05.1974).

Дамбадарджа рассказал:

У Ноён-хутухты Равджи⁷ было три тетради. В синюю тетрадь он записывал вещи, предназначенные для людей. В желтую тетрадь записывал то, что относится к религии. В синюю⁸ — то, что связано с государственными делами. В настоящее время эти тетради исчезли. То, что опубликовано теперь, это стихи из серой тетради. У Равджи всего было около тысячи стихов. Тысяча песен *гур*⁹, так говорят. В Хамрын-хийде¹⁰ был центральный храм, построенный Равджой. Есть легенда, будто севернее от него на скалистом холме среди камней закопаны все сочинения Равджи. Говорят, Равджа сам закопал их, мол, понадобятся в будущем. На территории сомона Эрдэнэ был монастырь Буртын. Перед дверями его центрального храма есть «Серебряный холм». Говорят, в нем было две вазы с деньгами. Когда уничтожали монастыри,

¹ Легендарный монгольский князь, усмиривший тигра. Изображения его очень популярны в Северном Тибете и Южной Монголии.

² Лхаса.

³ Тиб. *yongs 'dzin* — наставник; титул учителя церковного иерарха. Здесь, видимо, учитель Джебдзундамба-хутухты.

⁴ Тиб. *chab khru* — жертва водой, омовение.

⁵ Населенный пункт на севере Монголии, теперь — в Селенгинском аймаке.

⁶ Монастырь в Улан-Баторе.

⁷ Знаменитый монгольский поэт (1803–1856).

⁸ По-видимому, описка. Судя по дальнейшему рассказу, это — серая тетрадь.

⁹ Тиб. *mgur*, жанр религиозных песен.

¹⁰ Монастырь, резиденция Равджи.

два человека ночью стали выкапывать их, но, не успев откопать до рассвета, снова засыпали землей (17.09.1975).

О забытых обрядах

Рассказал Тогтох:

В Эрдэнэ-Цагане был маленький кирпичный храм, назывался Хухэйдийн-хийд. В нем проводили моления. Внутри были бурханы и книги. Недалеко от монастыря жила семья Улдзий хутаг-дзайсана¹. У его юрты было черное знамя из конского волоса. Слышал, что около 1939 г. человек по имени Бурийн Билигт на западе от гор Хэрэ, в устье реки Сала, немного южнее от Таван-толгой около зимника закопал его вместе с другими принадлежностями. Для почитания этого знамени собирались всем *хошуном*². Чиновники и простолюдины съезжались, ставили палатки. Знамя прикрепляли к высокой палке, водружали в чистом месте, подносили ему барана. Прибавляли к нему конские волосы из гривы и хвоста. Ламы читали молитвы по-тибетски. Монгольские молитвы не произносили. Почитали знамя на южном склоне перед Хухэйдийн-хийдом. Я много раз был на обряде почитания знамени. Это было до того, как я покинул родной край. Я же отправился в армию, когда мне уже исполнилось около 20 лет. Это знамя называли Чингисовым знаменем (08.11.1974).

У нас заночевал Сосорын Наваан.

— В 1939 году нас с Лувсанжамцем послали с Матадской военной частью на строительные работы. Мы разрушали восточную стену старого *дугана*. Западную стену разрушали солдаты. Кирпичи и дерево использовали в постройках Матадской военной части. Будучи в Матадской части и работая на строительстве, мы в свободное время ходили по *айлам*. Я был знаком с работником Матадского отдела Министерства внутренних дел Цагаан Жадамбой. Мы ходили к нему в гости. Как-то зашли к нему, а он расстелил на полу полотнища с изображениями божеств из храма и вытирал о них сапоги. Вытащил палки из *бурханов*, нашитых на шелк, и застелил ими весь пол, как будто старался защитить его. Было страшно ходить по *бурханам*, поэтому я перестал к ним заходить.

В монастыре Алтан-Очирта исполняли цам³

Милы⁴. В цаме участвовали Белый старец и Черный старец, Мила, Бородой и Шаралдай, олень и так далее. Шаралдай читал по-тибетски стихи *гур*. Белый старец и Черный старец говорили между собой по-монгольски. Но говорили как будто на письменном языке. Белый старец говорил: «Если поранишь один палец из десяти, то один палец будет болеть, остальные не будут. Так и каждое живое существо отвечает за те деяния, которые совершает само. Черный старец, стреляя из лука по оленю, поднимал лук и стрелу, целясь в небо. Белый старец говорил ему: «Ты низко держишь, бери выше!». Зрители смеялись (30.03.1975).

Чойжилсурэн-багш рассказал:

— Я в детстве слышал одну легенду. В *хошуне* Далай-чойнхор-вана почитали череп Панчена или Далай-ламы, который привезли из Западного дзу⁵. Вроде бы управитель Далай-вана *цухор*⁶ отрезал голову какого-то великого ламы в Западном дзу и привез. Первый Сайн-ноён-хан, носивший титул *цухор*, в 1617 году ездил в Западное дзу, там построил *субурган* на десять тысяч лан серебра для останков IV далай-ламы, а голову отрезал и привез (10.09.1975) (ср.: [Tsendina 2020]).

Был такой хороший вор Голын-Равджа в *хошуне* Гадан-дзасака⁷. Князя *хошуна* Далай-вана Мунхо, допрашивая его, били и мучили, поэтому он наслал на них вредный *ерол*⁸. Так мне рассказывала 80-летняя жена приемного сына Гадан-дзасака. Поэтому ноёны Далай-вана никак не могли поправить свои дела. Тогда они нарисовали Голын-Равджу на саврасом коне с укрюком в руках и преподнесли ему в жертву целого барана. Я попросил Сэрээтэра расспросить об этом Уст-Баатар-гуая. Но тот сказал, что это был не Голын-Равджа, а Хурэн-Дампил. Хурэн-Дампил был хорошим вором в конце правления Бурэнт-дзасагчи (1862–1874) или начале Бадаргулт-тура (1875–1908). Сидел в тюрьме в управе Далай-ване и умер там. Их ноёны не могли разбогатеть, вот они и принесли жертву духу умершего Хурэн-Дампила. Так говорили.

⁴ Тибетский поэт Миларэпа.

⁵ Лхаса.

⁶ Чиновничий чин доманьжурского времени.

⁷ Чиновничий чин.

⁸ Ерол — благопожелание. Здесь: проклятие.

¹ Чиновничий чин, управитель.

² Административная единица в старой Монголии.

³ Религиозная мистерия в масках.

Об исторических личностях

Зашел Ж.Дамдин. Долго беседовали.

— Сухэ-Баторский Галсан — высокомерный и несолидный человек. Странно, что у большого человека такой сын.

Тогтох гуай рассказывал. Янджима¹ перед Сухэ-Батором была женой Нэрэндоной. [Галсан] приемный сын. Сначала Галсан с матерью не жил. Вырос у братьев и сестер Янджимы. Тот самый Нэрэндоной, говорят, умер только в прошлом или позапрошлом году. Нэрэндоной жил здесь неподалеку.

В 1917 или 1918 г. из Москвы в Монголию впервые приехали Цэцэг-Шагдар и Батхаан. Цэцэг-Шагдар побывал в Индии, Китае, России, Европе. Знал китайский и индийские языки. Хорошо говорил по-русски. Во время Октябрьской революции Шагдар, говорят, был в Петербурге. Был там, когда стреляла «Аврора». Приехал вместе с Батхааном и хотел, кажется, сделать революцию в Монголии. Бодоо хорошо знал монгольский и маньчжурский письменные языки, а тибетский не очень. Шагдар же владел тибетским. Шагдар, будучи премьером народного правительства, отправился для установления мира в западном крае. В это время в Хурэ прибыли Сухэ-Батор, Бодоо, Догсом, освободили Хурэ, премьером стал Бодоо, командующим — Сухэ-Батор, министром финансов — Данзан. Когда Шагдар прибыл из западного края, Данзан стал военным министром, а Шагдар — министром финансов. После смерти Сухэ-Батора командующим стал Данзан. Позднее Шагдар и Бодоо были убиты. Потом и Данзан был убит. Данзан вообще-то до этого воровал лошадей, работал на таможенных сборах в Хурэ. У него было прозвище «Сборщик-Данзан». Их убийство, кажется, на совести Ринчинова (20.09.1975)

Зашли к Цагаандоржу.

— Это было, кажется, в 1946 году. Во время заключения первого торгового договора в советском политбюро была встреча с монгольской делегацией. Были Молотов, Сталин, Маленков, Каганович, Берия и другие. Молотов поднимал бокал за здоровье каждого члена монгольской делегации. От монголов говорил тосты Чойбалсан. Участвовал Лувсанжамъян. Сталин сказал три тоста. Первый за то, что советские и монгольские

войска в 1921 г. выгнали белых и *гаминов*². Второй — за победу в 1939 г. над японскими захватчиками. Третий — за помощь Монголии в победе над Германией.

В Тегеране англичане и американцы попросили помощи в подавлении врага на Дальнем Востоке. В то время Америка воевала с Японией. «У Советов есть опыт у военных, есть оружие, нужно подавить захватническую Японию», — так они просили. «Тогда признайте Монголию независимой», — потребовала советская сторона. «Мы спросим у Чан Кайши», — сказали те. Чан Кайши ответил, что Монголию следует оставить в том же статусе. Поэтому Англия и Америка признали Монголию в старом статусе. Это повлияло и на события после II мировой войны (07.11.1974).

Бодоо, соединившись с Бароном³, освободил Хурэ. Затем одел Батхаана, который скрывался в Хурэ, в ламскую одежду, и с ним бежал в Кяхту. Там он соединился с Сухэ-Батором и командовал отрядом, уничтожавшим *гаминов*. Был один смелый чиновник из *хошуна* Дайчин-вана по имени Цэдэндамба. Он поднял 500 солдат на защиту своих земель. Белые хотели присоединить этих солдат к себе, но Цэдэндамба не дал. Тогда белые (Рыжухин)⁴ схватили его, привязали к спине дикого яка и пустили скакать. Выбросили тело в Селенгинском аймаке. Цэдэндамба от этой скачки умер (10.08.1975–12.08.1975).

Дамдин рассказал.

Устранить Дамбийжаа⁵ Сухэ-Батор поручил Балдандоржу. Приказал взять с собой Высокого Дугара, он, мол, смелый и сильный парень. Балдандорж попросил, чтобы Сухэ-Батор сам отдал такой приказ Дугару. Сухэ-Батор позвал Дугара и отдал тому приказ ехать вместе с Балдандоржем. Денщиком у Высокого Дугара был Содномдаржаа, поэтому он взял и его. Таким образом, Содномдаржаа сам с Сухэ-Батором не встречался. Отпра-

² Войска Гоминьдана.

³ Имеется в виду барон фон Унгерн-Штернберг.

⁴ Видимо, имеется в виду Б. П. Резухин, русский офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн, участник Белого движения в Забайкалье и Монголии.

⁵ Дамбийджалцан или Джа-лама, калмык, участвовавший в освобождении Монголии от *гаминов*. Отличался большой жестокостью.

¹ Жена Сухэ-Батора.

вили также Нанзада, бывшего командиром военного комитета. Нанзад взял с собой своего возчика Желтого Лувсандамбу. Еще в Хурэ договорились, что Дугар и Нанзад войдут к Дамбийжаа первыми, а Балдандорж будет замыкать группу. Дугар взял с собой бойца Даша, тот был его земляком, а кроме того сильным борцом. Когда они пришли к Дамбийжаа, Даш притворился больным, пришедшим к Дамбийжаа за благословением и излечением. Дугар и Нанзад ввели его, поддерживая с двух сторон. Дамбийжаа вообще-то носил с двух сторон по пистолету. Но для того, чтобы дать благословение, был вынужден протянуть правую руку. Даш схватил за нее, а Дугар и Нанзад выстрелили Дамбийжаа в голову. Дамбийжаа успел сказать: «Что вам надо от бедного старика? Давайте договоримся миром» (05.11.1975).

Рассказы о репрессиях 1930-х гг.

Из Дорнода приехал Амарсайхан.

— В 1939 г. летом я провел в тюрьме 17 суток вместе с Мэндом. Мэнд пил чай с молоком, ел белый хлеб, курил папиросы.

— Гэндэн умер, поэтому я вместо него остался живым на несколько дней. — Так говорил.

— 10 июля 1939 года утром на рассвете забрали Мэнда, Амара и седого Дамбу. Думаю, их увели в русскую тюрьму.

— Гэндэн плохой человек, может что угодно сказать. Дал показание, что была группа в 2 000 человек. Теперь вас всех сажают, чтобы набрать это число, — говорил Мэнд. — Когда арестовывают кого-нибудь, зовут меня, чтобы я подтвердил, что он — член антигосударственной группировки. В это смутное время пусть все гибнут. Когда одних убивают как преступников, почему другие живут и веселятся. — Так рассуждал Мэнд (23.02.1972).

Рассказал Дамдин:

— В первые годы народной власти в военном министерстве служил некий Лхундэв-гун. Когда он был арестован, он попросил присмотреть за женой Дувчина. Дувчин тогда вроде служил в военном министерстве тоже. Возможно, он ходил с Сухэ-Батором на восток. Дувчин тогда женился на жене Лхундэва. Но потом он, оставив все жене, женился на молодой женщине. Его арестовали уже, когда он жил с молодой.

В 1939 году летом во время надомы были арестованы Лувсаншарав, Догсом, Лосол.

Тогда же схватили семьдесят человек, начиная с Насантогтоха из министерства внутренних дел, Дангийцоодола из суда, Пунцугдоржа. Все — ответственные работники. Они были вызваны в Правительство и увезены в длинных черных машинах куда-то на восток. Водители ждали до рассвета, а потом вернулись.

Руководитель Среднеобийского аймака Дамбаринчин ждал премьер-министра, чтобы встретиться с ним. Двери открыл министр Амар.

— Кто здесь? Ответственные работники есть?

Был один Дамбаринчин. Амар-гуай позвал его в свой кабинет. Там сидел Насантогтох. Амар-гуай показал Дамбаринчину список, в котором было много имен и сказал:

— Этот Насантогтох — влиятельный министр в нашем государстве. Сегодня он принес список из 500 имен и говорит, что их всех надо уничтожить. В нашей стране населения всего миллион. Если так всех убивать, кто останется? Дамбаринчин, ты ответственный работник, руководитель одного из аймаков. Смотри. Даже богатый человек так не забывает скот. Не знаю, что надо делать. Вы, наверное, знаете, — сказал он и выпроводил Насантогтоха.

Дамбаринчин об этом сам рассказал Дамдину (18.09.1975).

Из истории Улан-Батора

Пришел Цэсэд-гуай. 78 лет.

— Перед войной я стал начальником санитарной службы города. Появился слух, то по приказу правительства нам дадут машину. Подчиненные радовались, что у нас будет машина. Однажды заходит ко мне без очереди какой-то китаец. «Я ваш водитель», — говорит. «Водитель чего?». Выглянул посмотреть, а там телега на резиновых колесах с серой лошастью. Не машина, а телега с лошастью. Мы по приказу Бумцэнды стали запрещать бросать умерших где попало. Но все равно по окраинам города было много трупов. Люди ссылались на других и бросали их просто на земле. Я подумал, что надо оставленные трупы убрать. Мы с моим китайским водителем стали собирать трупы, начиная от Барун-наран до Алтан-улгий, закапывать целые трупы и их части в оврагах или выкапывать ямы и класть туда. Сначала давал задание китайцу очистить такую-то площадь. Затем стали работать вдвоем в

лунные ночи. Лунных ночей в месяце 10–15. Я скрывал эту работу от жены и детей. В итоге мы вдвоем оттащили и закопали около двух тысяч мертвецов. Так мы очистили город (06.02.1974).

Заключение

Как показывают приведенные примеры, зачинателем традиции использования устных нарративов в монгольской литературе в целях сохранения и трансляции исторических фактов, устного «документирования»,

как и во многих других областях гуманитарного знания, стал академик Ц. Дамдинсүрэн. В формировании этого жанра в творчестве Ц. Дамдинсүрэна большую роль сыграли его дневники. В пятитомном издании его произведений есть целый раздел, посвященный таким произведениям [Дамдинсүрэн 1998: 180–384], включающий знаменитые «Воспоминания старика Джамбала» («Өвгөн Жамбалын яриа») и «Рассказы о встречах с духами и чертями» («Лус савдаг, чөтгөр шулмастай учирсан хүмүүсийн яриа»).

Источники

Дневники Ц. Дамдинсүрэна — Дневники академика Цэндийна Дамдинсүрэна. 1972–1975. Рукописи хранятся в архиве А. Д. Цендиной.

Sources

Diaries of Academician Tsendiin Damdinsüren. 1972–1975. Manuscripts. In: Personal archives of Anna D. Tsendina. (In Mong.)

Литература

Агванчойдор 2012 — *Агванчойдор* гуайн ярьсан «Монгол, төвд бурханы шашны аман түүх». Д. Бат эмхэтгэн найруулав (= Рассказанная Агванчойдор-гуаеи устная история монгольского и тибетского буддизма. Публикация Д. Бата). Улаанбаатар: «Никель Де-киль» ХХК, 2012. 449 с.

Дамдинсүрэн 1990 — *Дамдинсүрэн Ц. Намтрын хуудсаас* (= Из листов биографии). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1990. 127 с.

Дамдинсүрэн 1991 — *Дамдинсүрэн Цэндийн. Лус савдаг, чөтгөр шулмастай учирсан хүмүүсийн өчил* (= Рассказы о встречах с духами и чертями). Улаанбаатар: «Нууц товчоо» пүүс, 1991. 72 с.

Дамдинсүрэн 1998 — *Дамдинсүрэн Цэндийн. Бүрэн зохиол. Тайлбар сэлт ном зүй үйлдэж хэвлэлд бэлтгэсэн Д. Цэдэв* (= Полное собрание сочинений. Комментарий, библиография и подготовка к печати Д. Цэдэва). Т. 2. Улаанбаатар: «Интерпресс» хэвлэлийн газар, 1998. 681 с.

Дамдинсүрэн 2008 — Дневниковые записи (январь 1971 – август 1972) // Цэндийн Дамдинсүрэн. К 100-летию со дня рождения. М: Вост. лит., 2008. С. 455–497.

Ёндон 1971 — *Ёндон Д. Үг хэмээх зохиолын тухай* (= О произведениях в жанре үг) // Монголын судлал. Т. 8. Улаанбаатар: ШУА-ийн хэвлэл, 1971. С. 125–131.

Жамбалсүрэн 2003 — *Жамбалсүрэн Г. Монголын түүхэн хүмүүсийн домог* (= Легенды о монгольских исторических деятелях). Улаанбаа-

тар: «Уран гар» хэвлэх үйлдвэр, 2003. 50 с.

Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol-un niyuca tobciyan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.

Лхам, Ерөөлт 2012 — *Лхам П., Ерөөлт Ж.* Монголын бурханы шашны аман түүх. Орхигдсон түүхийг сэргээх нь (= Устная история монгольского буддизма. Восстанавливая забытую историю). Улаанбаатар: «Admon» ХХК, 2012. 85 с.

Монгол бурханы 2012 — Монгол бурханы шашны аман түүх. II. Эмхэтгэсэн Ж. Ерөөлт (= Устная история буддизма в Монголии. II. Составил Ж. Ерөөлт). Улаанбаатар, 2012. 100 с.

Номинчимэд 2013 — *Номинчимэд Баасангийн.* Хантайширийн цадиг хууч оршвой (= Истории и рассказы Хантайшира). Улаанбаатар: «Хөх дэвтэр» хэвлэлийн газар, 2013. 178 с.

Ойдов 2014 — *Ойдов Б.* Монголын цуутай нударган тулаанчид (= Известные кулачные бойцы Монголии). Улаанбаатар: «Жиком» Пресс хэвлэлийн газар, 2014. 233 с.

Сүглэгмаа 2005 — *Сүглэгмаа Х.* Монголын уран зохиол дахь «үг» зохиолын төрөл зүй (= Жанр «үг» в монгольской литературе). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2005. 234 с.

Өвгөн Дэндэвийн дурдатгал 1961 — Өвгөн Дэндэвийн дурдатгал. Д. Наваан тэмдэглэн бичив (= Воспоминания старика Дэндэва. Записал Д. Наваан). Улаанбаатар: ШУА-ийн хэвлэл, 1961. 44 с.

Товуу захирагчийн 1999 — Товуу захирагчийн домог хууч. Сурвалжлан цуглуулж, хянан боловсруулсан Х.Сампилдэндэв, Т. Доржлхам (= Легенды и воспоминания о Тову-дзахирагчи. Собрали и отредактировали Х Сампилдэндэв, Т. Доржлхам). Улаанбаатар: [б. и], 1999. 28 с.

Чөтгөр 2009 — Чөтгөр, шулмас, сүнстэй учирсан хүмүүсийн яриа (= Рассказы людей,

- встретившихся с чертями, демонами и душами умерших). (Б. м.): Эрх чөлөөний алтан зууч «Арианг хангуг ертөнц төв. 2009. № 1. 128 с.
- Чөтгөр 2012 — Чөтгөр, шулмас, сүнстэй учирсан хүмүүсийн яриа (= Рассказы людей, встретившихся с чертями, демонами и душами умерших). № 3. (Б. м.): Эрх чөлөөний алтан зууч «Арианг хангуг ертөнц төв. 2012. 129 с.
- Alaša domuy 2004 — Alaša domuy. A. Bayatar nayirayulun jokiyaba (= Легенды Алашани. Публикация А. Багатура). Kökeqota: Öber Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2004. 340 с.
- An Oral History 2011 — An Oral History of Mothers in the Ejene oasis, Inner Mongolia. Ed. by Yuki Konagaya, Sarangerile and Kanako Kodama // China Study. Series No. 2. Kioto: Shoukadoh, 2011. 349 с.
- Tsendina 2020 — Tsendina A. More Knowledge on Tāranātha's Cult in Mongolia // Aspects of Mongolian Buddhism 2 // Mongolian Buddhism in Practice. Ed. by Ágnes Birtalan, Krisztina Teleki with Judit Béres. Budapest: L'Harmattan, 2020. Pp. 356–361.
- References**
- Agvanchoidor. An Oral History of Mongolian and Tibetan Buddhism. D. Bat (ed.). Ulaanbaatar: Nikel Dekil, 2012. 449 p. (In Mong.)
- Bayatar A. (ed.) Legends of Ālāshàn. Hohhot: Inner Mongolia People's Publ. House, 2004. 340 p. (In Mong.)
- Damdinsüren Ts. Complete Works. D. Tsedev (ed., bibliography, etc.). Vol. 2. Ulaanbaatar: Interpress, 1998. 681 p. (In Mong.)
- Damdinsüren Ts. Diary notes: January 1971 – August 1972. In: Damdinsüren Ts. Celebrating the 100th Birthday. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008. Pp. 455–497. (In Russ.)
- Damdinsüren Ts. Pages of Biography. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1990. 127 p. (In Mong.)
- Damdinsüren Ts. Stories of Encounters with Spirits and Demons. Ulaanbaatar: Nuuts Tovchoo, 1991. 72 p. (In Mong.)
- Dendev. Memoirs of Old Dendev Recorded by D. Navaan. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1961. 44 p. (In Mong.)
- Jambalsuren G. Legends of Mongolia's Historical Figures. Ulaanbaatar: Uran Gar, 2003. 50 p. (In Mong.)
- Konagaya Yu., Sarangerile, Kodama K. (eds.) An Oral History of Mothers in the Ejene Oasis, Inner Mongolia. China Study Series no. 2. Kyoto: Shoukadoh, 2011. 349 p. (In Eng.)
- Kozin S. A. The Secret History of the Mongols: A Mongolian Chronicle of 1240 Titled *Mongyol-un niyuča Tobčiyān*, or *Yuáncháo bīshǐ*. Vol. 1. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 619 p. (In Russ.)
- Lkham P., Yeröolt J. Recovering the Forgotten: An Oral History of Buddhism in Mongolia. Ulaanbaatar: Admon, 2012. 85 p. (In Mong.)
- Nominchimed B. Stories and Tales of Khantaishir. Ulaanbaatar: Khökh Devter, 2013. 178 p. (In Mong.)
- Oidov B. Famous Hand-to-Hand Fighters of Mongolia. Ulaanbaatar: Jicom, 2014. 233 p. (In Mong.)
- Sampildendev Kh., Dorjlkham T. (comps., eds.) Legends and Memoirs of Jahirugji Tovu. Ulaanbaatar, 1999. 28 p. (In Mong.)
- Stories of Encounters with Devils, Demons, and Souls of the Dead. 2009. Vol. 1. 128 p. (In Mong.)
- Stories of Encounters with Devils, Demons, and Souls of the Dead. 2012. Vol. 3. 129 p. (In Mong.)
- Süglemaa Kh. The Üg Genre in Mongolian Literature. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2005. 234 p. (In Mong.)
- Tsendina A. More knowledge on Tāranātha's cult in Mongolia. In: Birtalan Á., Teleki K., Béres J. (eds.) Aspects of Mongolian Buddhism 2. Mongolian Buddhism in Practice. Budapest: L'Harmattan, 2020. Pp. 356–361. (In Eng.)
- Yeröolt J. (comp.) An Oral History of Buddhism in Mongolia. Vol. 2. Ulaanbaatar, 2012. 100 p. (In Mong.)
- Yondon D. Writings of the üg genre revisited. In: Mongolian Studies. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1971. Vol. 8. Pp. 125–131. (In Mong.)

